

По волнам **ВРЕМЕНИ**

*История Большой семьи
в маленьких зарисовках*

Чистоту, простоту мы у предков берем,
Саги, сказки — из прошлого тащим.
Потому, что добро остается добром —
В прошлом, будущем и настоящем!

В.С. Высоцкий

Тюмень, 2020

РОДИНА, ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ

Владимир Яковлевич Майер

**За три столетия человечество пережило революции, войны, смену общественного строя и нравственных ценностей, развалы империй, создание новых государств, союзов, философии жизни, появление новых течений в религии.
Как всегда, от этого страдали люди...**

Поволжские немцы и немцы России оказались особо уязвимы — 20 век, самый спрессованный по сути изменений, для них стал переломным; многие, если не большая часть, просто переехали в Германию, считая ее исторической Родиной.

До депортации почти двести лет они жили на Волге, считали ее родной и близкой. Глава нашего рода Амалия Воллерт своей Родиной считала именно Волгу и село Dreispitz (Верхняя Добринка). И я, ее правнук Владимир Майер, вырос в безотрывной связи с этой культурой, традицией, философией, языком и всем тем, что связывает человека со своими сородичами. Сейчас это уже далекая история.

Я прочел множество книг про поволжских немцев — как серьезных, которые претендуют на научные труды, так и простых повествований и воспоминаний.

Бывал и в музее немцев Поволжья, который называется «Государственный архив Саратовской области, филиал в г. Энгельс».

Благодарен его директору. Елизавета Моисеевна Ерина — это кладезь знаний. Она около 40 лет занималась сбором документов, информации, добилась у власти строительства нового архива. Собственно, в момент нашей встречи она паковала чемоданы с документами для переезда.

Елизавета Моисеевна сообщила такую деталь: Республика немцев Поволжья при разделении территории на Волгоградскую и Саратовскую области также была разделена географически и юридически. Разделение произошло по кантонам. Поэтому общая информация о немцах Поволжья может быть получена в архиве Энгельса, а конкретные документы находятся в Волгоградском архиве. Много не сохранилось. Поэтому некоторые факты можно сложить только из воспоминаний.

Из всего, что я прочитал, что слышал и знаю, могу сделать вывод: немцы Поволжья никогда не жили легко. Пишу это не из жалости или обиды — так уж сложилось...

Опишу некоторые узловые моменты трагической истории немцев Поволжья.

Все началось с императрицы Екатерины II, чье западноевропейское происхождение делало ее последовательной преемницей преобразований Петра I. В прежнем петровском духе проводились реформы по дальнейшему закреплению крестьян и расширению вольностей дворянства, угнетению Церкви — и это сопровождалось ростом военно-административного патриотизма в связи с приобретением обширных земель на юге, получивших название Новороссия: Северное Причерноморье, Крым, Прикубанье.

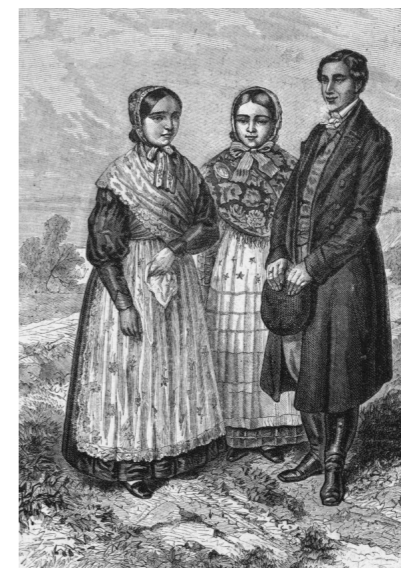
Земли эти большей частью пустовали. Зная европейскую земельную тесноту, Екатерина решила пригласить для заселения новых территорий иностранцев разных наций. 4 декабря 1762 г. был издан Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» и разослан в Европу.

Вскоре стало очевидно — чтобы побудить людей переезжать, им нужен стимул — правовые и экономические гарантии и привилегии.

Год спустя Манифест дополнили двумя документами, которые назывались: «Манифест о даруемых иностранным переселенцам привилегиях и преимуществах» и «Указ об учреждении Канцелярии опекунства иностранных переселенцев». Они гарантировали поселение на выбор в пригодной местности России, освобождение от любых налогов: в сельской местности до 30 лет, в городской — до пяти. Расходы на переселение возмещались государством, предоставлялась беспроцентная ссуда на десять лет для устройства жилья и хозяйства.

Иностранным предпринимателям разрешалось ввозить и вывозить свои товары беспошлинно. Предоставлялось право на собственные органы местного самоуправления и строительство своих церквей, освобождение от воинской повинности, возможность беспрепятственного выезда из России.

Европа подобного своим подданным не давала, кроме того, постоянные конфликты между европейскими государствами, тяжелое налогообложение, недавние религиозные войны побуждали многих предприимчивых европейцев

Немецкие колонисты в России

МАРИЯ ВОЛЛЕРТ

До восьми лет я себя практически не помню. Перед глазами всего две картинки. Начну с яркой. Деревня Полое. Новогодний утренник. Пахнет хвоей. Дед Мороз раздает подарки. На моей голове корона снежинки. Сзади к ней прикреплен шлейф из марли, а впереди зеркальными стеклышками выложено — 1963 год.

Второе воспоминание сумрачное. Казахстан. Я сижу на задней парте. Расстояние до доски кажется бесконечным — ребятишек в классе очень много. У моего соседа перепачканы чернилами руки и лицо, и весь он какой-то неопрятный и всклокоченный, как и его фамилия — Колкатин.

Вот и все. Я не помню ни первую учительницу, ни школьное платье с белым воротничком и фартуком, ни то, как шла на сентябрьскую линейку с букетом цветов, как делала уроки. Все мои воспоминания словно песчаная буря замела...

О песчаных бурях мне рассказывал папа. В самом начале 60-х наша семья сначала

переехала из Сибири на Кубань, а потом — в Казахстан. Отец Давыд Александрович работал на тракторе, пахал землю. Когда начиналась буря, ветер поднимал в воздух песок и пыль так, что ничего не было видно. И только свет факела впереди, как луч маяка, указывал направление.

Хотя родители видели вещи и пострашнее песчаных бурь, в Казахстане мы не остались.

«Не хочу, чтоб мои дети здесь жили», — сказал отец. Эту фразу он повторял не единожды, впервые — еще в шахтерском городке Прокопьевск. Папа оказался там в 16 лет, когда депортированных в Сибирь немцев Поволжья стали забирать в трудовую. Рассказывал, как трижды привозили

его в Омутинское (там была железнодорожная станция), но начальники эшелонов отказывались принимать — папа был очень худым.

«Самые глубокие и аварийные шахты — затопленные, полуобвалившиеся — были наши, — вспоминал отец. — В забой спускались под лай служебных собак, под прицелом автоматчиков. Многие взрослые мужики не выдерживали, погибали от голода, холода и страха. Я спасся благодаря другу родителей. Он отдал мне свой мешок с сухарями и сказал: «Я умру, а ты должен жить».

После окончания Великой Отечественной людей еще несколько лет не отпускали домой — не хватало рабочих рук.

Из той поры знаю такую историю. Все ходили как оборванцы, ничего у немцев не было. Конечно, людям хотелось одеться более-менее прилично, особенно молодежи.

Как-то привезли шахтерам ботинки. Немцам не выдали. Ящики с обувью были обернуты дерматином или другой прочной материей. И парни пошили из нее плащи. Дело чуть не закончилось большими неприятностями, когда об этом стало известно. Но кто-то, видимо, вступился за вчерашних трудармейцев, ведь эту неудачу с пополнением гардероба папа всегда вспоминал со смехом.

Папа Давыд Александрович (стоит). Прокопьевск, 1946 г.

Постепенно содержание становилось полегче. Трудармию расформировали в 1947 году, и только тогда все поехали «по домам», как говорили трудармейцы. Когда разрешили покинуть шахты, руководство предлагало толковым работникам остаться — сулили и жилье, и разные блага. Но уже тогда Давыд Воллерт, парнишка чуть старше 20-ти лет, думал о нас, своих будущих детях.

Судьба моих родственников так же трагична, как и у большинства поволжских немцев. Депортация в 1941 году, долгая дорога в вагонах для перевозки скота, сибирские снега и морозы, голод, унижения, нищета, безвременная смерть близких, ужасы трудармии...

В начале войны забрали в трудармию и папиного отца Александра Давыдовича Воллерта, и его старшую дочь Марию. Они работали на лесоповале близ города Ивдель Свердловской области.

По счастливой случайности в трудармию не попала моя бабушка со стороны мамы — Екатерина Давыдовна Шульц. Во время депортации в Сибирь на ней была ответственность за жизни троих дочерей, а также собственную мать Анну Фридриховну (моя прабабушка), у которой были проблемы с ногами.

Жил в Лопуховке и дядя моего отца — Трофим (брат деда). Папа говорил, что после войны его вместе с женой Акулиной и двумя сыновьями выселили, как богатых, в город Киселёвск Кемеровской области.

Отец часто вспоминал своего дядю и всегда приговаривал: «Какие же они были кулаки? Работали от зари до зари, землю пахали на быках, все лето спали в поле на кулаках». Поэтому тяжело было отцу смотреть в 90-е годы на заросшие бурьяном родные земли, которые он тоже пахал на быках, и опустошенные животноводческие фермы.

Была у моего деда еще и сестра Евдокия. Она всю жизнь прожила в Лопуховке вместе с сыном Виктором Александровичем Прониным, школьным учителем физики. Я его очень хорошо знала. Моя бабушка Катя родилась с бабушкой Дуней, часто ее навещала.

В 1952 году отец женился на моей маме — Александре Ивановне Цурихиной. Моя старшая сестра Лида родилась 23 ноября 1957 года. 21 апреля 1961 года родилась я. Бабушка Катя всегда говорила: «Лида родилась на Михайлов день, а Валя — когда усадьбу посадят».

Наше с сестрой счастливое советское детство прошло в родном селе. Росли и воспитывались с бабушкой Катей. Чтобы поставить нас на ноги, а это для них было главным в жизни, родители много работали.

Отец до ухода на пенсию по инвалидности (инвалид Великой Отечественной Войны 2 группы с 1976 года), работал в колхозе «Путь к коммунизму», потом с 1957 года — в совхозе «Лопуховский» разнорабочим.

Царские яблочки

Жили мы в достатке, держали большое хозяйство (коровы, куры, гуси, утки, позже отец развел песцов), сажали огород, бахчи.

Ухаживали мы и за огромным садом, который достался нам от дедов. Он был

Моя мама Александра Ивановна с тетей Машей (жена дяди Вити)

Наша семья в родном яблоневоом саду. 1967 г.

Старшая сестра Лида и я. 1962 г.

отцовской гордостью. Когда летом наш дом наполнялся гостями (приезжал дядя Витя с семьей из Волгограда, тетя Шура из Баку, бабушка Дуня (сестра бабушки Кати) с внуками), первым делом папа вел всех в сад, где угощал созревшими плодами и с огромной любовью рассказывал о каждом дереве.

Росла в нашем саду и знаменитая яблонька с крупными наливными плодами. Отец говорил, что деды возили эти яблоки царю в Санкт-Петербург.

Руками моего папы был посажен целый ряд яблонь зимнего сорта. Осенью мы собирали плоды и аккуратно укладывали на подложку (чердак) в дубовые листья. Всю зиму наша семья ела яблоки, аромат и вкус которых запомнился на всю жизнь.

Посылка от лисички

У папы было еще одно увлечение — охота, которой он посвящал много времени, особенно зимой, когда заканчивались летние деревенские заботы: огороды, заготовка дров и сена. Вечерами он доставал ружье и все, что нужно к нему: патроны, порох, войлок, картечь. Мы с Лидой затаив дыхание следили, что делал отец, и помогали ему — подавали то пыжи, то мерку для пороха. Отец сам заряжал патроны, а мы с сестрой складывали их в патронташ.

Охотился отец в основном на зайцев и лис. Уходил рано утром и обязательно

заслуженный отдых она не сидит без дела: продолжает держать домашнее хозяйство, сажает огород, любит всех нас и с нетерпением ждет в гости.

В нашей семье стало традицией: на майские праздники мы с мужем и внуками отправляемся в Лопуховку, чтобы отметить праздник Победы, почтить память нашего отца, дедушки, прадедушки и помочь сестре посадить картошку, огород и просто побыть рядом. А вечером за столом предаемся ностальгическим воспоминаниям детства. В эти дорогие минуты я ощущаю себя счастливым человеком.

Вот он — родительский дом, вот они — мои родные люди, вот она — моя малая Родина. Люблю тебя! Люблю твой воздух, ясное небо по ночам, когда до звезд, кажется, можно дотянуться рукой. Люблю бархатную воду в реке детства, которая успокаивает и дает силы. Поездку в край моего детства не променяю ни на какой юг!

Аромат чабреца

Моя бабушка по отцовской линии Екатерина Ивановна Меднова родилась в 1897 году, а умерла 14 ноября 1977 года. Такие даты написаны на ее могиле, бабушка не знала день своего рождения. А я с возрастом стала сожалеть, что мало расспрашивала ее о жизни и родителях. Но некоторые ее воспоминания глубоко запали в мою душу.

«Жили бедно. Надеть, обусть — нечего. Работала в колхозе. Но за работу почти ничего не получала, считали трудодни. Так велся учет отработанного времени — отмечали черточками в книге, черточку называли «палочкой». День прошел — одна палочка. Любому понятно без грамоты. А когда за нее зерно или скотину дадут — неизвестно. Но работали все на совесть. А чем накормить детей? У меня их четверо было. Вот и собирала съедобную траву: лебеду, чакан, крапиву.

Лопуховка, 1966 г. Первый ряд: я, сестра Лида, двоюродный брат Коля. Второй ряд: бабушка Лиля (жена брата моего дедушки по материнской линии), бабушка Дуня (сестра моей бабушки Кати), моя мама, тетя Маша (жена моего дяди Вити) с дочкой Леной

А дома пекла из нее лепешки, варила суп. Уже после войны с едой стало лучше: хлеб пекла из муки, а дрожжи варила из хмеля сама».

А еще бабушка Катя постоянно говорила: «Раньше молодежь скромная была, девушки — застенчивые. И все работающие, никакой работы не гнушались. Старших уважали и им не перечили».

«Вот и ты: замуж выйдешь — мужу не перечь. Где так или не так, а ты промолчи, оно ладнее будет. А мужа-то себе голубоглазого выбирай, они для жизни хорошие».

Да, бабушка, ты права. Муж у меня голубоглазый, как ты и советовала. Живу с ним вот уже 36 лет и радуюсь.

Бабушка нас с сестрой очень любила. На улице взрослые и дети нас называли Лида и Валя. Бабушка никому не разрешала называть Лидка и Валька.

Зимой бабушка жила вместе с нами. Помню ее всегда за работой — она пряла пряжу из овечьей шерсти, вязала носки, штопала. Утром нас с сестрой провожала в школу. Всегда попросит посмотреть на нее, одобрит взглядом и проводит с Богом.

Ранней весной бабушка уходила в свой домик. И опять за работу. Сажала огород, бахчу. Вставала очень рано и все де-

лала до восхода солнца. Летом были дела садоводческие. Мы с сестрой собирали яблоки, груши, а баба Катя их резала, потом сушила на солнце. Зимой излишки мы с бабушкой продавали в Рудне на базаре. Очень хорошо помню ее поговорку, значение которой поняла позже: «Рубь торгуем, два харчуем». Бабушка всегда так приговаривала, когда давала мне деньги на покупку петушка на палочке.

Часто вспоминаю лето. Когда солнце уже готовилось к закату, бабушка всегда выходила к своему домику, садилась на скамеечку и отдыхала после длинного летнего дня. Увидев ее, я пулей мчалась к ней от своего дома. Бабушка была всегда в простенькой, но идеально чистой длинной юбке в клеточку и светлой кофточке. На голове — беленький платочек. Я подбегу, прижмусь к ней, а бабушка слегка обнимет меня и о чем-то спросит или расскажет.

Бабушка Катя (первая слева). 1966 г.

Образ моей бабушки всегда ассоциируется с милой травой наших лугов — чабрецом, который все называли «богородской травой». Она любила эту траву, в ее доме всегда пахло чабрецом.

Бабушка меня многому учила: зимой — вязать носки, летом мы с ней собирали малину и варили душистое варенье. А как она учила мыть полы... Всегда приговаривала: «Ты в уголочках-то пальчиком, пальчиком вычищай, тряпкой не маши, мой полы с любовью!». Ценила бабушка во всем порядок и чистоту.

В 1976 году уехала я учиться в Дубовское педагогическое училище. Очень скучала по своей бабушке. Приезжая на каникулы, бежала к ней, рассказывала о своей учебе. Она умела радоваться за меня и мои успехи. Всегда говорила: «Ты у нас ласковая, а ласковый теленок две матки сосет».

11 ноября 1977 года бабушки Кати не стало, но воспоминания о ней полны тепла и света, любви и доброты, тишины и покоя, заботы и ласки.

Жили не тужили...

Мамины родители: Иван Самойлович Цурихин (29 августа 1902 г. – 13 февраля 1979 г.) и Полина Дмитриевна Цурихина (в девичестве Глухова, 1901 г. – февраль 1980 г.). У них было четверо детей: Мария (1922 г.р.), Александра (моя мама, родилась 19 декабря 1926 г.), Виктор (1936 г.) и Николай (1938 г.).

О своем детстве мама вспоминала и рассказывала мало.

К началу войны ей было 14 лет. На фронт ушла старшая сестра Мария. В семье остались два младших брата — Виктор и Николай. Маме пришлось вместе со взрослыми работать на полях колхоза. Сеяли вручную днем и ночью, на быках бороили пашню, косили и убирали пшеницу в склад тоже вручную. А для себя взять хоть горсть зерна не разрешалось.

Ночью маме приходилось ходить за 15 километров на кульстан, чтобы украсть ведро пшеницы. «Туда иду ночью, нагребу потихонечку в мешок, да так, чтобы донести можно было, и иду обратно, оглядываясь. Страшно, но иду. Вот уже рассвет забрезжил. Выкопаю яму, спрячу туда мешок с пшеницей, прикрою ветками — и домой. А рано утром — в поле, на работу. На другую ночь иду опять. Вот так и выживали. Но обиду на свою судьбу не держу — время такое было, не мне одной трудно приходилось», — говорила мама.

Мамины родители, дедушка Ваня и бабушка Поля, прожили долгую, трудную, но по-своему счастливую жизнь. На их долю выпало тяжелое время: разруха, гражданская война, коллективизация, раскулачивание, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление страны. Но, несмотря на все перенесенные трудности, они не потеряли веру в счастливое будущее. Много работали, растили детей и внуков.

Я помню дедушку и бабушку, когда они уже были на пенсии и жили вдвоем в сво-

ем доме, держали много овец. Дед любил поесть борщ из баранины, да такой, чтобы жир плавал толстым слоем. А бабушка всю зиму перебирала овечью шерсть, вязала носки, жилетки. Еще мой дед был пасечником, занимался пчеловодством. Потом это дело продолжил его младший сын Николай, а в настоящее время пчеловодством занимается дедушкин внук Владимир.

Любить мед еще в детстве меня приучил дедушка. Он всегда с любовью рассказывал о пчелах, о пользе меда и говорил, что самый полезный и чистый мед — в сотах.

Мама (слева), сестра мамы Мария, братья мамы Николай и Виктор

На столе у бабушки с дедушкой мед не переводился круглый год. Помню, как дед нас учил: «Ложку меда натошак — для работы, а на ночь ложку — сон улучшается и здоровье поправляется».

Дедушка был хорошим плотником. Ульи и рамки для своих пчел делал сам. У него была оборудована своя мастерская в сенях, где вдоль стены, у окна, стоял верстак.

Помню, мы с мамой как не придем в гости, дед Иван постоянно стоит у верстака, ласково водит рубанком по доске. Мне казалось, что дед и живет там, что-нибудь мастеря. В сенях всегда было много белой стружки, пахло свежей древесиной. «Ну как, папанька, дела?» — спрашивала мама. А дед садился на стул и начинал неспешно рассказывать о своем здоровье, о письмах, которые он получил от брата из Риги, и многое другое.

Мы жили на другом краю села, но несмотря на свою занятость, мама бросала всю домашнюю работу и шла навестить своих родителей.

Дедушку всегда звали в селе на похороны, на поминки. Он и еще несколько человек пели церковные песни. Этих людей в Лопуховке называли «певчие». А дед был руководителем певчих.

Умер дедушка от онкологии, оставив самые добрые воспоминания не только у родственников, но и односельчан, ведь в селе его уважали. Часто шли за советом и по строительству. При жизни он помог построить дома своим сыновьям,

и моим родителям в 1967 году много помогал в возведении дома.

После смерти деда его дом долгое время пустовал. Сейчас в нем живет внук Владимир, который продолжает дедовское дело: занимается пчеловодством и держит большое поголовье овец.

Ровно через год после ухода Ивана Самойловича не стало и бабушки Поли. Осенью 1979 года она заболела (онкология печени), и мама забрала ее жить к себе в дом. Бабушка до последнего держалась, даже иногда шутила, и не помню, чтобы хоть раз пожаловалась. Терпеливая была.

Бабушка Поля была немногословной. По субботам после школы я заходила к ней мыть полы. После работы на стол ставились щи из баранины, приготовленные в русской печи, чай с медом и выкладывался рубль, а иногда и три. Тогда это были большие деньги. А еще бабушка обязательно спрашивала: «Как там Санька?». Так она называла мою маму.

Однажды мама мне показала, какое состояние проходила бабушка, чтобы отнести зерно на мельницу, а потом с мукой прийти обратно: день — туда, а ночь — обратно. Вот поэтому не хотелось ей вспоминать трудное время.

Бабушка никогда не рассказывала о прошлом. На мой вопрос: «Как вы раньше жили?», отвечала: «Хорошо жили — не тужили», потом махала рукой и отворачивалась, чтобы скрыть слезы.

Бабушка Поля и дедушка Иван похоронены рядышком на сельском кладбище в Лопуховке.

15 пирогов от бабы Нюры

У бабушки Поли был брат Михаил и сестра Надя. После войны брат уехал в Волгоград, а сестра вместе с мамой (моей прабабушкой) уехали в Баку.

У дедушки Ивана были сестра Анна (годы жизни — 1914–1995) и брат Николай (1917 г.р.). Дедушка называл свою сестру

Первый ряд: муж маминей сестры Шитов Иван с дочкой Любой, сестра мамы Мария с дочкой Татьяной, дедушка Ваня с внучкой Раей, бабушка Поля, прабабушка (мама моей бабушки), муж дедушкиной сестры Анны — дед Саша, бабушка Нюра — сестра дедушки. Второй ряд: младший брат мамы дядя Коля, брат моего деда — дедушка Коля, брат мамы дядя Витя, мама, папа и родственница

Анна, а остальные звали ее Нюра. Баба Нюра всю жизнь прожила в Лопуховке с мужем Александром. Детей у них не было. Моя мама говорила, что они умерли во младенческом возрасте.

Летом бабушка Нюра часто приходила к нам, помогала резать яблоки, а за разговором нам с сестрой рассказывала Библию. У нее была отличная память, и если бы при жизни я к ней обратилась рассказать о родных, баба Нюра многое бы мне поведала.

Бабушка Нюра в Лопуховке считалась самой знатной стряпухой. Ее всегда приглашали готовить поминальные обеды. А какие она пекла сладкие пироги! Со всей округи ехали их заказывать. На нашу с Виктором свадьбу бабушка испекла 15 пирогов с яблочной и грушевой начинкой.

Бабушка Нюра тоже была певчей. Она знала, когда что нужно читать по Библии и что надо петь на похоронах или на поминках. Она легко читала церковные книги.

Николай, брат дедушки, был военным. Жил он в Риге, но вместе со своей женой Лилей, детьми Сашей и Любой, а потом и с внуками приезжал в Лопуховку.

Старшая мамина сестра Мария Ивановна Шитова (в девичестве Цурихина) вместе с мужем Иваном жили в соседнем селе Ушинка. У них было трое детей: Люба (1952 г.р.), Раиса (1954 г.р.), Татьяна — (1955 г.р.).

Тетя Маша прошла Великую Отечественную войну и очень рано умерла — в 1956 году. Поэтому дедушка Иван и бабушка Поля растили и воспитывали Таню,

младшую ее дочку. Сейчас она вместе с семьей живет в Лопуховке.

Люба и Рая жили вместе со своим отцом, а потом и мачехой в селе Ушинка. Моя мама всем своим племянницам помогала встать на ноги. Рая сейчас живет в городе Камышине. Они со своим мужем Александром были у нас с Виктором на свадьбе. Люба живет в Волгодонске.

Мамин брат Виктор Иванович Цурихин прожил в Лопуховке, где работал ветеринаром. После смерти жены Раи, переехал жить в Рудню, к дочери Вере. Умер дядя Витя в 2015 году. Его старший сын Александр сейчас живет с семьей в Москве.

Летом 2020 года не стало младшего маминого брата Николая Ивановича Цурихина. Его старший сын Владимир живет в Лопуховке с семьей в дедовском доме, младший сын Сергей тоже живет в Лопуховке в доме бабушки Нюры, а средний сын Александр — в поселке Красный Яр Волгоградской области. Все трое женаты, имеют взрослых детей.

Мама

Жизнь моей мамы трагически оборвалась 13 января 1990 года. Зимой 1989 года она приезжала к нам в Тобольск. Помню, как уезжая мама сказала: «Ну, доченька, за тебя я спокойна — живешь хорошо». Виктор поехал провожать маму в Тюмень в аэропорт. Рейс Тюмень-Уфа-Волгоград задерживался.

Самолет ТУ-134 вылетел из аэропорта 13 января в полдень, вместо четырех

ОЛЬГА КРАВЧЕНКО (МОЛДАНОВА)

Наша родовая история написана на основе моих личных воспоминаний и воспоминаний близких родственников, с привлечением семейных преданий. Заранее прошу прощения, если в моем повествовании есть какие-то неточности, надеюсь, они сподвигнут кого-то из молодых дополнить или переписать нашу родословную, чему я буду безмерно рада. Я долго думала, как структурировать свое повествование, перепробовала несколько вариантов, в конце концов решила написать отдельно про мужскую и женскую линии рода, а затем про нашу семью, на которой они сошлись.

Мужская линия нашего рода — Молдановы

Свое повествование я начну с мужской линии нашего рода. Это старинный хантыйский род Молдановых. Большой Югорский Князь Молдан упоминается в нескольких русских летописях, самая ранняя из которых Вологодско-Пермская, датируемая 1499–1502 гг. В результате похода воеводы Ивана Салтыка, в 1483 году были пленены югорские князья, в том числе князь Молдан, но в 1484 году, приняв присягу на верность Ивану III и по-

обещав платить ясак, они были освобождены. Поскольку своей письменности у северных народов не было, то дальнейшие сведения о Молдане прерываются, но фамилия Молдановых являлась долгое время самой распространенной в верхнем течении р. Казым (Казымская территория Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры).

Сведений о нашем деде Молданове Иване сохранилось немного. Неизвестны точные даты рождения и смерти, и даже отчество. Родился он примерно в 1880–1890 гг., отче-

ство Иванович или Васильевич точно не установлено, так как ханты им не пользовались, чаще давали друг другу прозвища. Дед был известен как Тэманг Юван, («тэм» в переводе с хантыйского «ловчая яма»), судя по прозвищу, он умело сооружал ловушки. По крайне редким рассказам бабушки Екатерины Максимовны, он был очень добрым и честным человеком, хорошим охотником, любящим отцом и мужем. К нему нередко обращались для разрешения конфликтов как к мирскому судье. Существует такое семейное предание: у деда был шаманский дар, но он не хотел им пользоваться. Однажды, когда Юван был на охоте, в чум, где находились его жена и дети, ударила молния. Чум был покрыт берестой и моментально загорелся, бабушка едва успела выскочить вместе с детьми. Когда дед вернулся с охоты, на месте чума он обнаружил пепелище. Он понял, что пожар произошел не случайно, и поклялся, что если его жена и дети живы, то он будет служить духам. Бабушка с детьми в это время находились в лабазе (небольшое деревянное строение на столбах для хранения продуктов). В чем заключалось служение духам — об этом свидетельств нет, известно только, что дед мог предсказывать какие-то события, но то, что он слыл шаманом, вполне могло стать основанием для ареста. В 1933–34 гг. на Казыме вспыхнуло восстание против Советской власти, так называемый кулацко-шаманский или Казымский мятеж. Восстание было жестоко подавлено, всех мужчин, независимо от того, принимали ли они непосредственное участие в мятеже, арестовали. Иван

Молданов тоже был в числе арестованных. В материалах по Казымскому восстанию фигурирует имя шамана Ивана Молданова. Дальнейшая его судьба неизвестна. По одним сведениям, он был увезен в Тобольск и там расстрелян наравне с другими участниками, по другим — был из Тобольска перевезен в другую тюрьму, а с началом войны их перевезли под Ханты-Мансийск в п. Луговское, где он и умер в 1942 году. Существует еще одна версия: из Тобольской тюрьмы некоторых арестантов выпустили глубокой осенью (как дед и предсказывал), и они должны были сами добираться до дому. В ожидании попутной баржи (а другого транспорта попросту не было) многие из них умирали от голода и холода и были похоронены (вернее, попросту закопаны) в тех населенных пунктах, где скончались. Так или иначе, домой Иван Молданов не вернулся, и никакой информации о нем с момента ареста не было.

Наша бабушка Екатерина Максимовна (Молданова по мужу) родилась примерно в 1892 году в лесной избушке в семье Вандымовых. Календарей у ханты не было, время рождения определяли по сезону и по значимым явлениям природы (когда выпал первый снег, в самый жаркий день лета и т.д.). Местом рождения в паспорте, полученном уже в 60-х годах, указана д. Юильск Березовского (ныне Белоярского) района Тюменской области.

По рассказам бабушки, ее родители были долгожителями, прожили вместе

По волнам **ВРЕМЕНИ**

*История Большой семьи
в маленьких зарисовках*

Подготовка книги:
творческая группа «ЭксЛибрис» -
Е.В. Огнева, Д.Е. Лихарев, Е.Л. Бойко

Все текстовые и фотоматериалы в книге являются объектом авторского права. Исключительные права на использование материалов принадлежат авторам. Копирование, распространение, перепечатка или иное использование материала без письменного разрешения автора не допускается. Любое нарушение прав будет преследоваться на основе российского и международного законодательства.

Тюмень, 2020